

КОГДА
СТРАХ
СТАНОВИТСЯ
ЛЮБОВЬЮ

СТОКГОЛЬМСКИЙ **СИНДРОМ**

ПЛЕННИЦА, ПОЛЮБИВШАЯ СВОЕГО ПОХИТИТЕЛЯ

ДЖОН ЗАПРЕТНЫЙ

Джон Запретный

**Стокгольмский синдром:
Пленница, полюбившая
своего похитителя**

«Автор»

2026

Запретный Д.

Стокгольмский синдром: Пленница, полюбившая своего похитителя / Д. Запретный — «Автор», 2026

Вика — дерзкая двадцатилетняя студентка, привыкшая жить по своим правилам. Богатые родители купили ей квартиру, но не смогли купить послушание. Ночные клубы, случайные знакомства, опасные прогулки — она не верила, что за свободу придётся платить. Ограбление. Фургон. Трое в масках. Она стала свидетельницей и заложницей в одном лице. Но настоящий кошмар начался не тогда, когда на неё наставили пистолет. Он начался, когда один из похитителей — тот, чьи руки оказались нежными, а голос — спокойным, — начал приносить ей еду, разговаривать и обещать защиту. Она знает, что это неправильно. Что это стокгольмский синдром. Что нельзя влюбляться в человека, который сломал твою жизнь. Но когда он смотрит на неё, всё внутри переворачивается. Эта история о запретном влечении, о страхе, который превращается в одержимость, и о любви, которая не должна была случиться. И когда наступит момент истины.

© Запретный Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Знакомьтесь Лера	5
Ночная охота	9
В темноту	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Джон Запретный

Стокгольмский синдром: Пленница, полюбившая своего похитителя

Знакомьтесь Лера

Будильник разорвал тишину так, будто в комнату вломился кто-то чужой.

Вика не пошевелилась. Она лежала поперёк кровати, уткнувшись лицом в подушку, и делала вид, что звука не существует. Тело было тяжёлым, голова — как свинцовая, а во рту стоял привкус вчерашнего апероля и дешёвой пиццы. Одеядо сползло на пол, и голая спина покрывалась мурашками от прохладного воздуха, который тянулся из приоткрытого окна.

Будильник продолжал надрываться.

Она вслепую шарила рукой по тумбочке, пока не наткнулась на телефон. Не открывая глаз, нажала на кнопку. Звук оборвался. Наступила благословенная тишина, и Вика снова провалилась в тягучую, мутную дрёму.

Прошло, наверное, минут сорок, прежде чем она наконец заставила себя открыть глаза.

Свет бил в лицо — холодный, осенний, безжалостный. Панорамное окно во всю стену, которым так гордилась мама, выбирая квартиру, сейчас превращало комнату в аквариум, выставленный на всеобщее обозрение. Вика поморщилась и перевернулась на спину.

Потолок. Белый, идеально ровный, с точечными светильниками по периметру. Она ненавидела этот потолок. Ненавидела эту квартиру, если честно. Красивую, стильную, но абсолютно чужую. Квартира, в которой она жила одна, но которая не была её — ни одной вещью, ни одной картиной на стене, ни одной самостоятельно выбранной шторой.

Синие шторы.

Мама выбрала их, потому что «синий успокаивает». Вика хотела чёрные, плотные, чтобы утром можно было притвориться, что ночь ещё не закончилась. Но мама настояла: чёрный — это мрачно, это депрессивно, это не для девочки. Поэтому теперь каждое утро Вика просыпалась в комнате с синими шторами и ненавидела их всей душой.

Она села на кровати, спустив босые ноги на тёплый пол из светлого дуба. Подогрев полов — тоже мамина идея. Вика скривилась, но ничего не сказала бы вслух. Она вообще предпочитала не говорить о родителях лишней раз.

Телефон снова завибрировал. На этот раз это было сообщение.

Лера: *Ты где, Ви? Пара через полчаса.*

Вика вздохнула и отбросила телефон на кровать. Ей было плевать на пары. Сегодня точно не тот день, когда она собиралась изображать прилежную студентку.

Она встала, потянулась, хрустнув позвоночником, и подошла к зеркалу в полный рост, висевшему на двери шкафа-купе. Из отражения на неё смотрела двадцатилетняя девушка с растрёпанными тёмными волосами, бледным после бессонной ночи лицом и серо-голубыми глазами, в которых застыло выражение лёгкого превосходства. Вика привыкла нравиться себе. У неё было миловидное лицо с чёткими, но мягкими чертами — прямой нос, аккуратная линия губ, острые скулы, которые ей нравилось подчёркивать бронзером. Фигура — стройная, даже чуть худощавая из-за вечного недосыпа и нерегулярного питания, но с красивыми изгибами, которые она умела выгодно подать.

Она провела пальцами по волосам, пытаясь пригладить спутанные пряди. Волосы пахли сигаретным дымом и чем-то сладковатым — наверное, туманом из кальянной. Нужно было

помыть голову. Но это значило потратить ещё полчаса, а Вика не была уверена, что у неё есть силы даже на душ.

Она накинула короткий шёлковый халат, висевший на спинке стула, и прошла на кухню.

Кухня-гостиная была единственным местом в квартире, которое ей нравилось. Даже несмотря на то, что обставлена она была в том же холодном минималистичном стиле: белые гляцевые фасады, барная стойка из искусственного камня, серый диван с жёсткими подушками, которые никто никогда не поправлял. Здесь было просторно, светло и... пусто.

Вика открыла холодильник. Внутри стояла бутылка кефира, засохший лимон, упаковка яиц и пара банок энергетика. На полке — прозрачный контейнер с салатом, который мама привезла ещё в прошлое воскресенье. Вика не притронулась к нему. Она вообще часто забывала есть, если только не была в клубе, где закуски приносили сами собой, оплаченные кем-нибудь из ухажёров.

Она захлопнула дверцу и потянулась к чайнику. Пока он закипал, облокотилась на барную стойку и уставилась в окно.

Вид был так себе. Панельная девятиэтажка напротив, серая и уставшая. Внизу — двор, заставленный машинами. Голые ветки тополей. Небо — как разбавленное молоко, без солнца, без красок. Осень вступала в права, и Вика её ненавидела.

Осенью всё казалось враждебным. Даже воздух в квартире был каким-то спёртым, несмотря на приоткрытое окно. Она поёжилась и налила себе кипятка в кружку, бросив туда пакетик дешёвого чая с бергамотом.

Сделав глоток, она вернулась в комнату и снова взяла телефон. От Леры было ещё два сообщения.

Лера: *Я всё, сажусь на пару. Если придёшь — буду рада.*

Лера: *Ты жива вообще?*

Вика усмехнулась и быстро напечатала:

Вика: *Жива. Проспала. Сегодня вряд ли приду.*

Ответ пришёл мгновенно:

Лера: *Классика. Завтра идём в клуб. И не отнекивайся.*

Вика: *Посмотрим.*

Она отложила телефон и упала на кровать, раскинув руки в стороны. Суббота. Клуб. Лера снова попытается её развеселить. Подруга искренне верила, что шум, алкоголь и мужское внимание могут залатать дыру, которая образовалась внутри после всего, что случилось.

Глупо.

Но, наверное, даже эта глупость лучше, чем сидеть в четырёх стенах и смотреть в потолок.

Вика перевернулась на бок и подтянула колени к груди. Мысли сами собой потекли к тому, о чём она не любила думать. К Никите. Её бывший. Её первая, наверное, настоящая влюблённость — с надрывом, ссорами, примирениями в подъездах и обещаниями, что больше никогда.

Никита был красивый, дерзкий, вечно попадающий в истории. Он не был «невезучим», как говорили её родители. Он был из тех, кто сам ищет приключения на свою задницу. Вспыльчивый, ревнивый, с кулаками, которые чесались быстрее, чем мозг успевал сказать «стой». Вика его подначивала. Ей нравилось видеть, как он заводится, как его тёмные глаза наливаются злостью, как он готов порвать любого за косой взгляд в её сторону.

Это было лестно. Это было пьяняще. А потом это закончилось.

Драка в баре. Никита сломал какому-то мужику челюсть. Тот оказался не простым мужиком, а сыном какого-то местного чиновника. Через неделю Никиту закрыли. Суд был быстрым и не в его пользу.

Вика осталась одна. И, как ни странно, почти почувствовала облегчение. Словно с неё сняли невидимую цепь, которая всё это время душила. Но облегчение сменилось пустотой. А пустота — апатией.

Она снова взглянула на телефон. Лера звонила.

— Ви, ну ты чего? — раздался бодрый голос подруги. — Я уже с пар иду. Может, встретимся? Кофе?

— Не хочу никуда, — честно ответила Вика, ковыряя ногтем шов на пододеяльнике.

— Тогда я к тебе приеду.

— Лер, не надо. Я хочу побыть одна.

— Ты и так всё время одна! — в голосе подруги прозвучала обида. — Ви, я понимаю, что тебе тяжело. Но замыкаться нельзя. Давай хотя бы погуляем часик?

Вика прикрыла глаза. Лера была права, наверное. Но признавать это не хотелось.

— Завтра в клубе нагуляемся, — устало сказала она. — Обещаю.

— Точно?

— Точно.

— Ну смотри. Я заеду за тобой в десять. Будь готова!

Вика сбросила вызов и отшвырнула телефон на подушку. Вставать не хотелось. Вообще ничего не хотелось. Но она знала, что к завтрашнему вечеру настроение изменится. Оно всегда менялось. Это был её ритм: днём — апатия, ночью — жажда жизни. Как только город погружался в темноту, внутри что-то просыпалось. Хотелось движения, музыки, адреналина. Хотелось снова почувствовать себя живой.

Она села и оглядела комнату.

На полу валялась куча вещей, которую она уже неделю собиралась разобрать. Джинсы, футболки, пара платьев, коробка из-под обуви. На стуле висела сумка, из которой торчал край паспорта. На туалетном столике — рассыпанная косметика, флакон духов, сломанная расчёска. У зеркала — сгоревшая наполовину свеча с запахом ванили, которую Вика зажигала по вечерам, когда становилось особенно тоскливо.

Квартира была похожа на место, где кто-то живёт, но никто не живёт по-настоящему.

Родители купили её два года назад, когда Вика поступила в институт. Вернее, когда её туда «поступили». Она сама до конца не понимала, зачем ей эта учёба. Юридический факультет, который выбрал отец, потому что «престижно». Пары, которые она прогуливала. Преподаватели, которых презирала. Всё это было декорацией, навязанной извне.

Квартира должна была стать её первым шагом к самостоятельности. Но на деле превратилась в золотую клетку с сигнализацией, панорамными окнами и еженедельными мамиными визитами.

Вика ненавидела эти визиты.

Мама приходила с пакетами еды, мыла посуду, вздыхала, глядя на беспорядок, и задавала одни и те же вопросы. «Почему не звонишь?», «Почему не ешь?», «Почему у тебя опять синяки под глазами?». Отец звонил реже, но от его звонков было ещё тошнее. Он говорил только о деньгах и об учёбе. «Я перевёл тебе на карту», «Что у тебя с сессией?», «Надеюсь, ты не вляпалась в очередную историю».

Они всегда контролировали. Всегда знали, что для неё лучше. И всегда ошибались.

Вика встала с кровати и подошла к окну. Прижавшись лбом к холодному стеклу, она смотрела вниз, на серый двор, на редкие фигуры прохожих, кутающихся в куртки. Ей было холодно, но она не отходила. Холод отрезвлял.

Завтра суббота. Завтра клуб. Завтра снова можно будет притвориться, что всё в порядке. А сегодня — просто пережить.

Она отошла от окна, включила музыку на телефоне, поставив плейлист на случайный порядок, и направилась в душ.

Тёплые струи воды медленно смывали сонную одурь. Вика стояла под душем, закрыв глаза, и представляла, как вместе с водой уходит всё лишнее: усталость, злость, пустота. На какое-то время становилось легче.

После душа она надела домашние шорты и футболку, собрала волосы в небрежный пучок и вернулась на кухню. Хотелось есть. Но готовить было лень. Она заказала роллы через приложение и села на диван, поджав под себя ноги.

Пока ждала доставку, листала ленту в соцсетях. Чужие лица, чужие жизни, чужие радости. Всё казалось ненастоящим. Она сама казалась себе ненастоящей. Как будто где-то существует другая Вика — та, что умеет жить без оглядки, не скучает по бывшему, не злится на родителей, не сидит одна в пустой квартире.

Телефон пиликнул — пришло уведомление о доставке. Вика нехотя встала, накинула халат и пошла открывать.

Когда она вернулась с пакетом еды, в комнате уже стусились сумерки. Она не стала включать свет. Ей нравился этот переходный час, когда город за окном загорался первыми огнями, а квартира тонула в полумраке.

Она ела роллы прямо из коробки, сидя на полу у журнального столика. Вкуса почти не чувствовала. Мысли снова вернулись к завтрашнему дню.

Клуб. Музыка. Люди. Лера будет таскать её за руку, знакомить с какими-нибудь парнями, улыбаться так, будто всё отлично. А Вика будет делать вид, что ей весело. Потом, как обычно, окажется в центре внимания. Кто-то угостит выпивкой, кто-то попытается поцеловать, кто-то будет смотреть издали с обожанием.

Она умела нравиться. Умела притягивать. Это было её оружие, её способ чувствовать власть. Но в последнее время даже это не приносило удовольствия.

После еды Вика вымыла руки и улеглась на диван, укрывшись пледом. Включила телевизор, но не смотрела. Просто нужен был фоновый шум, чтобы не оставаться наедине с тишиной.

Она незаметно задремала.

Ей приснился Никита. Он стоял в тёмном переулке, весь в крови, и смотрел на неё с укором. Она хотела убежать, но ноги будто приросли к земле. Он что-то кричал, но она не слышала слов. Только видела, как шевелятся его губы, и чувствовала леденящий ужас.

Проснулась она от того, что телефон выпал из рук и громко стукнулся об пол.

Сердце колотилось так, будто она действительно бежала. В комнате было темно. За окном горели окна соседней многоэтажки.

Вика села, провела ладонью по лицу. Мокрое. Она плакала во сне.

— Чёрт, — выдохнула она, вытирая щёки.

Она подняла телефон и увидела ещё одно сообщение от Леры:

Лера: *Завтра в десять. Я серьёзно. Готовь своё лучшее платье.*

Вика усмехнулась. Лера всегда знала, как выдернуть её из болота. Хотя бы на одну ночь.

Она написала короткий ответ:

Вика: *Хорошо.*

Потом встала, включила свет в кухне и заварила себе крепкий чай. Спать больше не хотелось. Она знала, что уснуть снова вряд ли получится. Поэтому просто сидела на подоконнике, обхватив горячую кружку ладонями, и смотрела на ночной город.

Этот город был её. Шумный, грязный, бессонный. Он не спрашивал, как у тебя дела, не лез в душу. Он просто жил, и в этом было его спасение.

Завтра она снова окунётся в эту жизнь. Завтра будет громко, ярко, пьяно. А потом — снова пустота.

Но это будет потом.

А сейчас — тёмная комната, тёплая кружка и молчание, которое не давит.

Ночная охота

Суббота началась не с будильника. Вика открыла глаза сама, почувствовав, как в комнате пробивается тусклый дневной свет через неплотно задёрнутые синие шторы. Она не спала почти всю ночь, ворочалась, прогоняла мысли, но под утро всё же провалилась в тяжёлый сон. Теперь голова была ватная, но внутри уже зарождалось предвкушение. Сегодня её ждал клуб.

Она потянулась, разминая затёкшие плечи, и села на кровати. Телефон показывал половину третьего дня. До выхода оставалось семь часов, но Вика знала, что время пролетит незаметно. Она встала, накинула халат и прошла на кухню. Там было пусто и тихо, только холодильник гудел свою монотонную песню. Вика открыла его, оглядела скудные запасы. Кефир, яйца, полусгнивший лимон. Есть не хотелось. Вместо завтрака она выпила стакан воды и утёрлась на подоконник, поджав ноги.

На улице моросил мелкий дождь, серый и неприятный. Асфальт блестел, прохожие прятались под зонтами, машины разбрызгивали лужи. Вика смотрела на эту картину и чувствовала, как внутри медленно разгорается азарт. Ночью дождь, возможно, прекратится. А если нет, то каблучки будут скользить, но это не беда. Главное — вырваться из этих стен.

Она спрыгнула с подоконника и отправилась в душ. Горячая вода смыла остатки сна, и Вика наконец почувствовала, что просыпается. После душа она долго стояла перед зеркалом, разглядывая своё отражение. Сегодня ей хотелось выглядеть сногшибательно. Не для кого-то конкретного, а для себя. Чтобы, проходя мимо зеркал в клубе, ловить восхищённые взгляды и чувствовать, что она всё ещё та самая Вика, от которой невозможно отвести глаз.

Она перебрала вещи в шкафу. Выбор пал на короткое чёрное платье с тонкими бретелями, которое облегалo фигуру как вторая кожа. Спина была открыта почти до поясницы, и Вика знала, что в этом платье она выглядит и дерзко, и соблазнительно. К нему идеально подошли высокие ботфорты на шпильке, которые она не надевала уже пару месяцев. Волосы она высушила, придав им лёгкие волны, и оставила распущенными. Макияж сделала ярче обычного: смоки-айс, чёткие стрелки, тёмная помада. В ушах поблёскивали крупные серьги-кольца.

К семи вечера Вика была готова. Она покрутилась перед зеркалом, осталась довольна. Накинула лёгкую кожаную куртку, сунула в маленькую сумочку телефон, немного наличных, помаду. Ключи бросила в карман куртки. Настроение поднималось с каждой минутой.

Лера позвонила ровно в девять.

— Ты готова? — её голос звучал бодро, почти радостно.

— Почти, — соврала Вика, хотя уже стояла в прихожей и поправляла волосы перед зеркалом.

— Я выезжаю. Через полчаса буду у тебя. Смотри не заставь меня ждать.

— Не дождёшься, — усмехнулась Вика и сбросила вызов.

Она ещё раз оглядела квартиру. Свет она выключила, оставив лишь ночник в гостиной. Ей вдруг стало немного не по себе от этой тишины и пустоты, но она отмахнулась. Сейчас не время рефлексировать.

Лера приехала на такси. Вика спустилась вниз, хлюпая каблучками по мокрому асфальту. Подруга уже стояла у подъезда, пританцовывая от нетерпения. Она была в блестящем серебристом топе и кожаных брюках, с ярким макияжем и начёсанными волосами. Выглядела как звезда девяностых.

— Ну наконец-то! — воскликнула Лера, окидывая Вику одобрительным взглядом. — Выглядишь отпадно. Поехали, нас уже ждут.

Они сели в такси, и машина тронулась. За окном мелькали огни вечернего города. Вика откинулась на спинку сиденья и прикрыла глаза, слушая болтовню Леры о каких-то парнях, которые обещали подойти в клуб. Она не вникала в суть, просто наслаждалась предвкушением.

Клуб находился в центре, в старом здании с неприметным входом, над которым горела неоновая вывеска. Уже на подходе была слышна басовая вибрация. Очередь змеилась вдоль стены, но Лера уверенно потянула Вику к служебному входу, где их ждал знакомый промоутер. Пара слов, улыбка, и вот они уже внутри.

Клуб встретил их плотной волной музыки, от которой закладывало уши. Низкие частоты пробирали до костей. Полутьма, прорезаемая вспышками стробоскопов, густой туман, плывущий над танцполом, лица, искажённые неоном. Пахло парфюмом, алкоголем и чем-то сладковатым, напоминающим жжёный сахар. Вика сразу почувствовала, как внутри просыпается тот самый азарт, та самая жажда, которая гнала её сюда.

Лера потащила её к бару. Заказали по коктейлю — что-то ярко-розовое с водкой и сиропом. Вика сделала первый глоток, поморщилась от сладости, но быстро допила. Алкоголь приятно обжёг горло и растёкся теплом.

— Пошли танцевать! — прокричала Лера, схватив её за руку.

Они влились в толпу на танцполе. Музыка била прямо в сердце, и Вика отдалась ритму, закрыв глаза, двигаясь в такт, не думая ни о чём. Тело само находило волну, и она чувствовала, как напряжение последних недель уходит, вытесняемое ритмом и шумом. Рядом извивались незнакомые люди, кто-то задевал её плечом, кто-то бросал короткие взгляды. Вике было всё равно. Она танцевала для себя.

Через какое-то время Лера исчезла в глубине толпы, утянутая каким-то парнем. Вика осталась одна. Она не расстроилась, наоборот, почувствовала свободу. К ней тут же начали подходить. Один предложил выпить, другой попытался обнять за талию, третий просто стоял рядом и смотрел. Вика отшивала навязчивых лёгким движением плеча, но на улыбку не скупилась. Вокруг неё образовался невидимый круг поклонников.

Она заметила его не сразу. Парень стоял чуть поодаль, у колонны, с бутылкой пива в руке. Высокий, широкоплечий, с тёмными взъерошенными волосами и лёгкой щетиной. На нём была простая чёрная футболка, обтягивающая рельефную грудь, и джинсы. Он не подходил, просто смотрел, и в его взгляде было что-то такое, от чего у Вики по спине пробежал холодок. Не страх, а скорее волнение.

Их глаза встретились. Он слегка улыбнулся, отсалютовал бутылкой. Вика не отвела взгляд, наоборот, вызывающе приподняла бровь. Тогда он оттолкнулся от колонны и медленно направился к ней.

— Танцуешь одна? — спросил он, наклонившись к её уху, чтобы перекрыть музыку.

Его голос был низким и хрипловатым, и от него пахло мятной жвачкой и пивом. Вика почувствовала, как её губы сами растягиваются в улыбке.

— Уже нет.

Он взял её за руку, развернул к себе лицом. Они начали двигаться вместе, в такт музыке, почти вплотную. Его ладони легли на её талию, притягивая ближе. Вика не сопротивлялась. От его тела исходил жар, смешанный с запахом парфюма и табака. Она положила руки ему на плечи, чувствуя под пальцами твёрдые мышцы.

Они танцевали долго. Музыка менялась, но они не размыкали объятий. Вика забыла о Лере, о времени, о всём. Ей было хорошо. Впервые за много недель по-настоящему хорошо.

Парень наклонился к ней, коснулся губами шеи, прошептал что-то неразборчивое. Вика усмехнулась, откинув голову назад. В этот момент она почувствовала себя желанной, нужной, живой.

Но вдруг он напрягся и резко отстранился. Вика недоуменно посмотрела на него. Он оглянулся, будто кого-то заметил, потом наклонился к ней:

— Мне надо отойти. Я скоро вернусь.

И исчез в толпе. Вика осталась стоять на танцполе, слегка ошеломлённая. Она проводила его взглядом, но он не обернулся. Через минуту она потеряла его из виду.

Странно. Ей стало обидно, но она быстро подавила это чувство. Ну и чёрт с ним. Вокруг полно других.

Она повернулась к бару, заметила Леру, которая уже вернулась и махала ей рукой. Вика протолкалась к подруге.

— Ты куда пропала? — спросила она, беря у бармена очередной коктейль.

— Да так, познакомилась с одним, — Лера улыбалась, раскрасневшаяся, довольная. — А ты чего одна? Я видела тебя с каким-то красавчиком.

— Ушёл, — Вика небрежно пожала плечами. — Не судьба.

— Пфф, найдешь другого. Вон, видишь, тот блондин тебе глазки строит?

Вика даже не посмотрела. Ей вдруг стало скучно. Тот парень зацепил её чем-то, и его внезапный уход оставил неприятный осадок.

Они выпили ещё по паре коктейлей. Вика чувствовала, как алкоголь туманит голову, но не сильно. Она была опытной, знала свою меру. Лера же уже еле держалась на ногах и глупо хихикала.

Ближе к трём ночи Вика поняла, что пора домой. Лера собиралась остаться, её звал тот самый блондин. Вика не стала отговаривать, только попросила написать, как доберётся.

— Ты вызовешь такси? — крикнула ей Лера.

— Да, вызову, — кивнула Вика. — Не волнуйся.

Они обнялись на прощание, и Вика направилась к выходу. Толпа поредела, но на танц-поле всё ещё извивались тела. Музыка гремела так же громко, но Вика уже не слышала её. В голове был лёгкий гул.

На улице её встретила сырая ночная прохлада. Дождь прекратился, но асфальт блестел в свете фонарей. Вика вдохнула свежий воздух полной грудью. В голове слегка прояснилось. Она огляделась. У клуба толпились люди, кто-то курил, кто-то вызывал такси, кто-то громко спорил. Она отошла в сторону, достала телефон. Такси она вызывать не стала. Ей вдруг захотелось пройтись пешком, проветриться. Ночной город манил её своей тёмной, спокойной красотой.

Она написала Лере: «Я пошла пешком. Не переживай. Дома буду через час.»

В ответ прилетело: «С ума сошла? Одна ночью?»

Вика улыбнулась и убрала телефон. Она не боялась. Она любила гулять ночью. В этом было что-то пьянящее, как запретный плод. И она давно убедилась, что ничего плохого с ней не случилось.

Она пошла по проспекту, где ещё было много людей. Мимо проезжали машины, редкие прохожие спешили по своим делам. Вика шла неторопливо, цокая каблуками, наслаждаясь тишиной после клубного шума. В витринах горел свет, отражаясь в лужах. Она чувствовала себя героиней какого-то фильма, идущей по ночному городу, и это нравилось ей.

Прошло минут двадцать. Проспект начал пустеть. Людей стало меньше, магазины закрылись, витрины погасли. Вика не заметила, как свернула в менее оживлённый переулок, и вспомнила, что ей нужно снять деньги. Она не помнила точно, сколько у неё наличных, а карту она не взяла. Но по дороге домой как раз есть отделение банка с ночными банкоматами.

Она повернула налево, к зданию банка. Это было отдельно стоящее двухэтажное строение с большими тёмными окнами и стеклянными дверями. Внутри горел только аварийный свет, а сбоку пристроилась зона с банкоматами. Вика подошла. Вокруг не было ни души. Улица была абсолютно пустой. Фонарь на углу мигал, бросая неровный свет на мокрый асфальт. Ей стало слегка не по себе. Даже такой бесстрашной, как она, было неуютно в этом безлюдном месте посреди ночи.

Она подошла к банкомату, вставила карту. Пальцы немного дрожали от холода и напряжения. Она быстро набрала сумму, забрала купюры и карту, сунула в сумочку. Развернулась, чтобы уйти.

И в этот момент у тротуара напротив банка резко остановился фургон. Тёмно-синий, без опознавательных знаков, с тонированными стёклами. Двигатель ещё работал, еле слышно урча. Вика замерла, глядя на него. Сердце пропустило удар.

Она не поняла, почему эта машина так её напугала. Возможно, из-за безлюдности места. Возможно, из-за резкости, с которой она остановилась. Вика стояла, не в силах пошевелиться, и смотрела на фургон, а фургон смотрел на неё своими чёрными тонированными стёклами.

Тишина давила на уши. Вика слышала только биение собственного сердца. Она сделала шаг назад, ближе к стеклянной двери банка, и почувствовала, как сумочка выскользнула из ослабевших пальцев и упала на землю. Она не стала её поднимать.

Дверца фургона с тихим щелчком начала открываться.

Вика затаила дыхание.

В темноту

Дверца фургона распахнулась с мерзким скрипом, и из темноты салона на асфальт вылетели трое. Вика не успела ни вскрикнуть, ни отшатнуться. Ноги будто приросли к земле, а сердце рухнуло куда-то в пятки. Она лишь увидела, как три фигуры в чёрном, стремительные и пугающе согласованные, рванули к дверям банка.

Они были в масках. Обычные чёрные вязаные шапки с прорезями для глаз, надвинутые низко. Одежда тёмная, неприметная, на руках перчатки. Тот, что бежал первым, держал в руке увесистый лом. Второй тащил за собой болгарку с диском, поблёскивающим в тусклом свете уличного фонаря. Третий, чуть позади, сжимал в руке пистолет.

Вика отшатнулась, зацепилась каблуком за трещину в асфальте и рухнула спиной на холодную бетонную стену рядом с банкоматом. Сумочка соскользнула с плеча и шлёпнулась на землю, но она этого даже не заметила. Всё её внимание было приковано к человеку с оружием.

Он остановился в паре метров от неё и резким, отточенным движением вскинул пистолет. Чёрное дуло уставилось прямо ей в лицо.

Вика не завизжала. Она просто замерла, вжавшись в угол между стеной и банкоматом, и зажмурилась так сильно, что перед глазами поплыли красные круги. Её тело превратилось в одну сплошную натянутую струну. Каждый мускул дрожал, но она не могла пошевелиться. Мозг отказывался верить в происходящее, кричал, что это сон, что сейчас она проснётся в своей постели, с синими шторами и противным будильником.

Но холод бетона под спиной был настоящим. И запах бензина, и грубые голоса, и скрежет металла — всё это было реальным.

Остальные двое уже стояли возле первого банкомата. Один из них, тот, что с болгаркой, резко дёрнул шнур, и инструмент взвыл, разрывая ночную тишину визгливым, душераздирающим звуком. Вика вздрогнула всем телом и ещё сильнее вжалась в стену, будто хотела слиться с ней, исчезнуть.

Человек с пистолетом не сводил с неё глаз. Вернее, она не видела его глаз, только тёмные прорези маски, в которых не было ничего человеческого. Его рука не дрожала. Он стоял неподвижно, как статуя, и это пугало сильнее всего.

— Только дёрнись, и я вышибу тебе мозги, — произнёс он. Голос был низкий, хриплый, но на удивление спокойный. В нём не слышалось ни злобы, ни страха. Только холодная уверенность.

Вика не ответила. Она боялась даже дышать.

Визг болгарки сменился грохотом. Что-то с лязгом упало на бетонный пол. Один из грабителей вырвал крышку банкомата, и из нутра посыпались кассеты с деньгами. Они сноровисто выдёргивали их, срывали пластиковые крышки и перекладывали пачки купюр в спортивные сумки. Движения были отлажены, будто они репетировали это десятки раз.

— Шевелись! — рявкнул тот, что с ломом. — Времени мало.

Второй, с болгаркой, уже перешёл к следующему банкомату. Снова взвыл инструмент. Вика зажала уши руками, но звук всё равно проникал внутрь, сверлил мозг. Она зажмурилась сильнее, из уголков глаз потекли слёзы. Она не плакала в голос, просто слёзы текли сами собой, как у человека, доведённого до предела.

— Глянь на неё, — хмыкнул кто-то. — Заткни её, пока не начала орать.

— Она тихая, — ответил человек с пистолетом. — Не трогай.

Вика не видела, кто что говорит. Голоса смешивались с шумом инструмента и звоном денег. Она лишь слышала обрывки фраз и понимала, что времени у неё всё меньше.

Прошло, наверное, несколько минут, хотя ей казалось, что вечность. Они вскрывали банкоматы один за другим, методично и безжалостно. Пять банкоматов. Пять раз взывала болгарка. Пять раз на пол сыпались деньги. Сумки разбухали от наличных.

Наконец, всё стихло. Инструмент замолчал. Слышалось только тяжёлое дыхание мужчин и шорох купюр.

— Всё, уходим, — сказал тот, что с ломом.

Но прежде чем они двинулись к фургону, тот же голос произнёс то, от чего у Вики кровь застыла в жилах:

— Кончай с этой девчонкой.

Она распахнула глаза. Человек с пистолетом всё ещё стоял перед ней. Его рука не опустилась. Дуло смотрело ей в переносицу. Она видела его лицо, точнее, маску, и в этот момент почувствовала, как жизнь пролетает перед глазами. Не было картинок из прошлого, только ледяная пустота и понимание, что сейчас всё закончится.

— Ты слышал? — повторил голос. — Она нас видела. Слишком много видела. Надо решать.

Человек с пистолетом медленно покачал головой.

— Мы не убийцы.

— Что? — в голосе другого послышалось раздражение. — Она свидетель! Ты понимаешь, что будет, если её найдут? Нас найдут!

— Мы в масках. Она не видела наших лиц.

— Она слышала наши голоса! Этого достаточно!

Началась перепалка. Голоса становились громче, злее. Вика сидела, вжавшись в угол, и не могла отвести взгляд от пистолета. Ей казалось, что ещё секунда, и человек напротив нажмёт на курок. Или наоборот, тот, кто спорил с ним, выхватит оружие и сделает это сам.

— Я не буду стрелять в безоружную девчонку, — отрезал тот, что с пистолетом. — Это не наш профиль.

— А какой у нас профиль? — огрызнулся другой. — Мы только что ограбили банк. Думаешь, после этого нас по головке погладят? Один труп ничего не изменит!

— Изменит. И ты это знаешь. Мы не убийцы. Мы просто взяли деньги. Если уберём её, за нами будут охотиться не только за грабёж.

— За нами и так будут охотиться! — заорал первый.

Третий, тот, что с болгаркой, молча стоял в стороне и переминался с ноги на ногу. Вика не слышала его голоса, только тяжёлое дыхание.

— Решай, Макс! — выкрикнул тот, что с ломом.

Вика вздрогнула. Макс. Имя врезалось в память. Теперь она знала, как зовут человека, который держал её на мушке. Макс.

— Я сказал, нет, — твёрдо повторил Макс. Он впервые опустил пистолет, но не убрал его в кобуру, а просто перевёл вниз, к бедру. — Мы уходим. Сейчас.

— А она?

— Пусть живёт. Она никому не расскажет. Правда, девочка? — он повернул голову к Вике, и она увидела, как в прорезях маски блеснули его глаза. В них не было жалости, но было что-то другое. Усталость. И решимость.

Вика лихорадочно закивала, не в силах произнести ни слова.

— Вот видишь, — Макс снова посмотрел на товарища. — Она будет молчать.

— Да пошёл ты! — взревел тот и шагнул к Вике, замахнувшись ломом.

Но Макс оказался быстрее. Он заслонил её собой, выставил вперёд пистолет.

— Отойди. Или я выстрелю.

На мгновение всё замерло. Воздух наэлектризовался. Вика слышала, как грохочет её сердце, как шумит кровь в ушах. Она боялась пошевелиться, боялась дышать.

И вдруг вдалеке раздался вой сирены.

Сначала тихий, едва различимый, но с каждой секундой нарастающий. Все трое застыли.

— Полиция, — выдохнул третий.

— В фургон! Быстро! — скомандовал Макс.

Он схватил Вику за локоть и рывком поднял на ноги. Она вскрикнула от неожиданности, попыталась вырваться, но хватка была железной.

— Пусти! — закричала она, впервые подав голос. — Я никому не скажу! Отпустите меня!

— Заткнись! — рявкнул тот, что с ломом, и с силой толкнул её к фургону.

Вика споткнулась, упала на колени, но Макс снова подхватил её и потащил. Она упиалась, цеплялась за воздух, кричала:

— Пожалуйста! Отпустите! Я ничего не видела! Я никому не расскажу!

Её голос срывался на визг, но никто не слушал. Двое других уже забрасывали сумки с деньгами в открытую заднюю дверь фургона. Макс подволок Вику к машине.

— Не убивай! — рыдала она. — Прощу! Я сделаю всё, что скажете!

— Мы тебя не убьём, — процедил Макс, но в его голосе было мало утешения. — Залезай.

Она почувствовала, как чьи-то грубые руки подхватили её под мышки и швырнули в тёмное нутро фургона. Она влетела внутрь, ударившись плечом о жёсткий металлический пол. Внутри пахло бензином, резиной и потом. Было темно и тесно.

Не успела она опомниться, как на голову ей накинули плотный чёрный мешок. Грубая ткань обожгла щеку, закрыла обзор, и мир погрузился в полную темноту. Вика задохнулась от ужаса, начала сдирать мешок, но кто-то перехватил её руки и грубо прижал их к телу.

— Сиди тихо, — прорычал голос над ухом. — Или пожалеешь.

Сирены были уже ближе. Отчётливо слышались завывания, разрезающие ночной воздух. Захлопнулась дверца фургона. Взревел двигатель. Машина рванула с места, и Вику отбросило к стене. Она ударилась головой, из глаз посыпались искры, но сознание не потеряла.

Фургон нёсся по ночным улицам, подпрыгивая на ухабах. Вика лежала на полу, скорчившись, с мешком на голове, и не могла пошевелиться. Её трясло. Слёзы текли по щекам, впитываясь в грубую ткань. Она всхлипывала, но старалась не кричать, боясь разозлить похитителей.

Мысли метались, как бешеные. Она вспомнила Леру, которая осталась в клубе. Вспомнила родителей, которые наверняка уже спят и не знают, что их дочь попала в ад. Вспомнила Никиту, который в тюрьме и даже не подозревает, что с ней случилось. И впервые в жизни по-настоящему пожалела, что пошла пешком, что не вызвала такси, что не послушала маму, которая всегда твердила, что ночные прогулки до добра не доведут.

Её жизнь, ещё недавно такая беззаботная и полная адреналина, превратилась в кошмар за какие-то десять минут. Она была пленницей. Заложницей. Свидетельницей ограбления, от которой теперь не знали, как избавиться.

И самое страшное — она не знала, что будет дальше.

Фургон продолжал мчаться, увозя её всё дальше от знакомых улиц, от дома, от всего, что было ей дорого. Вокруг неё в темноте сидели трое мужчин, от которых зависела её жизнь. Она слышала их тяжёлое дыхание, чувствовала запах пота и металла, и понимала, что выхода нет.

Только темнота. Только мешок на голове. Только страх, сжимающий горло ледяной рукой.

Она закрыла глаза, хотя под мешком это не имело значения, и прошептала одними губами:

— Господи, помоги мне.

Но ответом был лишь рёв двигателя и гул дороги, уносящей её в неизвестность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.